

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2 (71). С. 81–85.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2022. Vol. 2 (71). P. 81–85.

Научная статья
УДК 82-6
doi: 10.54398/1818510X_2022_2_81

СПОР Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО И Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА
О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУССКОГО НИГИЛИЗМА

Прокудин Борис Александрович¹ ✉, Прокудина Елена Константиновна²

^{1,2}Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
¹probor@bk.ru ✉

Аннотация. Эта статья – попытка показать различные представления консервативных мыслителей об «истоках и смысле» русского нигилизма. В 1884 г. на страницах газеты «Русь» вокруг этой темы возникла полемика. На статью Н. Я. Данилевского развернутой статьёй ответил Н. П. Гиляров-Платонов. Данилевский утверждал, что нигилизм не является в России «самобытным явлением», его нельзя считать результатом «частных зол и неурядиц русской жизни». По Данилевскому, русские молодые люди просто из страсти к подражанию подхватили западные идеи материализма и социализма, которые не имеют никакого отношения к российской истории. Гиляров-Платонов, напротив, был убеждён, что нигилизм появился в России как следствие «запущенных болезней» русского общества. Нигилизм, с его точки зрения, является «возмущением воли русского человека» против пороков общественного строя, которые консерваторы часто стараются не замечать.

Ключевые слова: консерватизм, нигилизм, Н. Н. Страхов, Н. Я. Данилевский, Н. П. Гиляров-Платонов, материализм

Для цитирования: Прокудин А. П., Прокудина Е. К. Спор Н. Я. Данилевского и Н. П. Гилярова-Платонова о происхождении русского нигилизма // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2 (71). С. 81–85. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_2_81.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

THE DISPUTE BETWEEN N. Y. DANILEVSKY AND N. P. GILYAROV-PLATONOV
ABOUT THE ORIGIN OF RUSSIAN NIHILISM

Boris A. Prokudin¹ ✉, Elena K. Prokudina²

^{1,2}Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
¹probor@bk.ru ✉

This article is an attempt to show the various ideas of conservative thinkers about the origins and meaning of Russian nihilism. In 1884, a controversy arose on the pages of the newspaper "Rus" around this topic. N.P. Gilyarov-Platonov answered N.Y. Danilevsky's article with a detailed article. Danilevsky argued that nihilism is not an "original phenomenon" in Russia and it cannot be considered the result of the problems of Russian life. According to Danilevsky, Russian young people simply picked up western ideas of materialism and socialism out of a passion for imitation. These ideas have nothing to do with Russian history. Gilyarov-Platonov, on the contrary, was convinced that nihilism appeared in Russia as a consequence of the "neglected diseases" of Russian society. Nihilism, from his point of view, is a rebellion of a Russian person against the vices of the social system, which conservatives often try not to notice.

Keywords: conservatism, nihilism, N.N. Strakhov, N.Y. Danilevsky, N.P. Gilyarov-Platonov, materialism

For citation: Prokudin, B. A., Prokudina, E. K. The dispute between N. Y. Danilevsky and N. P. Gilyarov-Platonov about the origin of Russian nihilism. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 2 (71), pp. 81–14. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_2_81.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

В обсуждении вопроса о происхождении нигилизма принимали участие все крупные консервативные мыслители второй половины XIX в.: и И. С. Аксаков, и А. А. Григорьев, и Ф. М. Достоевский, и М. Н. Катков и многие другие. Известный славист Ричард Пайпс писал: «в самом общем смысле, рус-

ский консерватизм после 1860 года представляет собой теорию антинигилизма, попытку создать альтернативу страшному призраку «нового человека» Чернышевского» [6, с. 4–5].

Н. Н. Страхов, считавший исследование нигилизма «своею специальностью» [10, с. 555], в 1881 г. писал: «Нигилизм есть движение, которое в сущности ничем не удовлетворяется, кроме полного разрушения. <...> Нигилизм – это не простой грех, не простое злодейство; это и не политическое преступление, не так называемое революционное пламя. Поднимитесь, если можете, ещё на одну ступень выше, на самую крайнюю ступень противления законам души и совести; нигилизм, это – грех трансцендентальный, это – грех нечеловеческой гордости, обуявшей в наши дни умы людей, это – чудовищное извращение души, при котором злодеяние является добродетелью, кровопролитие – благодеянием, разрушение – лучшим залогом жизни. Человек вообразил, что он полный владыка своей судьбы, что ему нужно поправить всемирную историю, что следует преобразовать душу человеческую» [9, с. 373–374].

По мнению Страхова, в основании нигилизма лежит безбожие, которое порождает ничем не ограниченную гордыню, которая уже и приводит ко всем остальным «отрицаниям»: социальным и ценностным. Русский нигилизм возник под влиянием западноевропейского материализма и атеизма. Но в то же время, по мысли Страхова, это и национальное явление, потому что только у нас есть такая «потребность самоосуждения, самообличения и самооплевывания, которая составляет одну из черт русского характера» [8, с. 63]. То есть некритическое усвоение западноевропейских атеистических идей вкупе с нашим «самообличением и самооплевыванием» привело к тому, что большое количество молодых людей, выражаясь словами Пайпса, «отвергало традиционные ценности и выбирало утопические взгляды, вскоре нашедшие выражение в терроризме» [7, с. 155]. Идею о том, что источником нигилизма является атеизм, активно развивал Ф. М. Достоевский. «Раз отвергнув Христа, – писал он, – ум человеческий может дойти до удивительных результатов» [5, с. 133]. В романе «Бесы» он сделал попытку показать эти результаты художественными средствами.

Кроме прочего, с точки зрения Страхова, нигилисты повинны в отрыве теории от жизни. Эту точку зрения активно отстаивал другой сподвижник Страхова – А. А. Григорьев, разработавший метод «органической» критики, отрицавший «теоретическое познание реальности»¹. «Органический» метод лег в основу философии почвенничества. Почвенники настаивали на том, что жизнь богаче теории и потому никакая теория не сможет объяснить ее. А нигилисты пытаются загнать реальность в «абстрактные формулы» своего материалистического мировоззрения, поэтому не понимают истинных потребностей народа. «Социалистические учения, – писал Страхов, – и порождены и поддерживаются не столько теми классами, интерес которых составляет их цель, сколько людьми, для которых этот интерес стал идеальной потребностью» [9, с. 388]. Мысль о «беспочвенности» радикальной интеллигенции позже будет взята на вооружение авторами сборника «Вехи».

Таким образом, причиной появления нигилизма, по Страхову, является безбожие, порождённое или подкреплённое западноевропейской материалистической и атеистической литературой. А теоретическое постижение реальности приводит, с одной стороны, к оторванности нигилистов от народа, ради которого, якобы, они действуют; с другой – к катастрофическим последствиям их социальных и семейных экспериментов.

Несколько другую версию появления нигилизма предложил автор теории культурно-исторических типов Н. Я. Данилевский. В статье 1884 г. он писал, что причиной появления нигилизма в России нужно считать исключительно «подражательность». Данилевский доказывал, что для появления нигилизма не было никаких существенных внешних причин, среди которых, по его словам, некоторые считают недовольство результатами отмены крепостного права, влияние наших политических врагов (прежде всего, поляков) и дурное школьное образование. «Нельзя согласиться с положением, – продолжал он, – что жажда нравственного идеала могла служить причиной как происхождения, так и распространения нигилистического мировоззрения между нашею молодёжью шестидесятых годов» [4, с. 298]. Достаточных внешних причин не было. «Гораздо сильнейшее и, можно сказать, даже почти исключительное влияние в этом важнейшем деле имеют те господствующие в обществе и, так сказать, носящиеся в воздухе идеи, всё равно истинные или ложные, которые приобретают власть над умами и сердцами людей» [4, с. 302].

И вот нигилизм, по Данилевскому, стал последствием «нашей болезни – подражательности». Молодые люди подхватили «носящиеся в воздухе» западные идеи (немецкий материализм, французский социализм), которые не имели никакого отношения к российской истории, не выросли органически из нашего общественного развития и поэтому были «бесплодны».

Но если эти идеи не были нам органичны, почему же в 1860-е гг. авторитет Чернышевского, Добролюбова и Писарева был так высок? Почему публика проявляла тогда какую-то «особую восприимчивость именно к этим идеям», «особую внутреннюю к ним симпатию»? По Данилевскому, всему виной реформы Петра I, в период которых мы «приучили» себя подражать всему западному. Кстати, так же считал И. С. Аксаков. Славянофилам вообще была свойственна мысль, что вестернизация, начатая Пет-

¹ Об основных принципах «органической» критики см.: [3, с. 149–184].

ром, оторвала образованные классы от крестьянского простонародья, и после этого большинство представителей нашей дворянской и разночинной интеллигенции за ответами предпочитали обращаться не к «народной почве», а к западным социальным учениям. «Вне народной почвы, – писал Аксаков, – нет основы, вне народного нет ничего реального, жизненного, и всякая мысль благая, всякое учреждение, не связавшееся корнями с исторической почвой народной или не выросшее из неё органически, не даёт плода и обращается в ветошь» [1, с. 3–4].

Вообще, основополагающая идея историософской концепции Данилевского заключалась в отрицании «общечеловеческих ценностей» и понятия «общечеловеческая цивилизация». Залогом превращения народа в культурно-исторический тип, в цивилизацию, по Данилевскому, является его национальный «дух». И любой отказ от национального творчества, заимствование чужеродных идей, ценностей и моделей поведения влечёт за собой «самоубийство» национальной культуры, которая неизбежно деградирует и превратится в «этнографический материал». Именно поэтому Данилевский считал «подражательность» такой серьёзной опасностью. И для него нигилизм был только частным случаем этой «русской болезни».

«Единственным моим желанием, – резюмировал Данилевский, – было показать, что нигилизм не есть наше русское самобытное явление, происшедшее как результат частных зол и неустойчивости нашей жизни; ни экономических и общественных, как крепостное право; ни политических, как неправильные наши отношения к Польше; ни педагогических, как плохое состояние наших школ» [4, с. 303]. Нигилизм – плод нашей восприимчивости к западным идеям. И «если бы славянофильскому направлению дана была та же свобода развиваться и распространяться своевременно путём печати, как направлению противоположному, <...> он (нигилизм. – авт.) никогда бы не занял тогда господствующего положения в среде нашей интеллигенции, всегда встречал бы в значительной её доле сильный отпор, и потому не получил бы того повального характера, тех пагубных последствий, какие имел и до сих пор ещё имеет» [4, с. 333].

Статья «Происхождение нашего нигилизма» была напечатана в газете «Русь», и вскоре на страницах этой же газеты появился ответ Данилевскому, автором которого стал критик и богослов славянофильского направления Н. П. Гиляров-Платонов. Свою версию он основал на противоположном тезисе. Если Данилевский считал нигилизм явлением «теоретическим», Гиляров-Платонов с первых строк заявлял: «Теоретического нигилизма нет». Фейербаха, Конта, Дарвина и других «теоретиков», с его точки зрения, нельзя считать нигилистами, никто из них не проповедует тотальное отрицание или разрушение цивилизации. Молодёжь только находит у них отрицание, потому что у неё есть стихийная неудовлетворённость российской жизнью, запрос на перемены. «Нигилизм есть показатель болезни самого общества, – пишет Гиляров-Платонов, – общество лишено духовного чадородия, не способно вдохновлять, дать материал для идеалов» [2, с. 160]. То есть это явление «практическое».

Удобно считать русский нигилизм просто результатом увлечённости неопытной молодёжи западными книжкам, которые, к счастью, не имеют никакого отношения к нашему общественному развитию и политическому устройству. Нет. К сожалению, нигилизм является именно что «результатом частных зол и неустойчивости нашей жизни». «Нигилизм есть возмущение воли русского человека. Возмущение против чего? Против строя общественного вообще» [2, с. 161], – пишет Гиляров-Платонов.

Далее он предлагает рассмотреть «психологический процесс» наиболее ярких представителей нигилизма: мотивы поведения «стриженных барышень», то есть нигилисток, сторонниц женского равноправия; и «семинаристов», которые вышли из «бурсы» и почему-то вместо священников стали материалистами¹. Только ли западные книжки этому виной?

«Ей (стриженной барышне – авт.) противно лицемерие семьи, ханжество отца, двуличие матери, <...> ей тошно видеть себя обязанною выраживаться, танцовать, петь и бренчать, занимать гостей с единственною целию найти партию и потом повторять жизнь матери. Ей тяжела зависимость при этих условиях. А она училась кое-чему. Подвертывается кстатид молодой человек с фразами о правах и труде. <...> А там уже свободная любовь и далее все последействия разнузданной воли, которой, однако, надобно же оправдать себя, и для этого берутся книжки» [2, с. 161]. То есть книжки, по Гилярову-Платонову, безусловно, играют важную роль в процессе «эмансипации» женщин, но только постфактум, легитимируя «последействия разнузданной воли». Первичным мотивом к бунту является лицемерие внутри патриархальной семьи, ограниченность возможностей для молодой женщины. Важна в этом описании и фраза: «а она училась кое-чему». То есть появление «стриженных барышень» свидетельствует прежде всего о несоответствии традиционных моделей семьи уровню образования середины XIX века, свидетельствует о необходимости модернизации традиционного уклада.

Похожая история и с поповичами-материалистами: «А вот семинарист, вот техник, студент университета. Общие места богословских учебников, притёртые и приношенные до утраты смысла, монашеская дисциплина с аскетическим идеалом, которому, однако, сами проповедники не следуют. Лицемерие,

¹ Подробней о разночинцах как главных носителях идеологии и психологии нигилизма в России см.: [11, с. 43–45].

которое, однако, угнетательно принуждает следовать своему примеру. А здесь лицемерие другого рода: лицемерие патриотизма и гражданских обязанностей, сопровождаемое низкопоклонством и взяточничеством, продажей дочерниной и жениной чести сластолюбивому начальнику, торгавля правосудием, печать и слово стеснённые. Молодой человек перестает всему верить, на чём лежит официальное клеймо, везде предполагает лицемерие и обман» [2, с. 162]. Сам Гиляров-Платонов, отучившийся в духовной семинарии и академии, хорошо знавший порядки, царившие в духовных учебных заведениях первой половины XIX века, материалистом не стал, но в своё время был отстранён от чтения лекций в Московской духовной академии, потому что его мнение о расколе противоречило «официальному». Поэтому церковное лицемерие он легко связывал с «казённым» патриотизмом, под прикрытием которого процветают многочисленные общественные пороки.

«Вот начало нигилизма, – резюмирует Гиляров-Платонов. – Только слепой мог не видеть его роста. Бездушие, лицемерие, царство формы, с административным и общественным развратом, – вот откуда он отпрыснул. Итак, куда же деваться воле, честно возмущенной? <...> Возмущённая воля и растревоженный ум не находят успокоения и бросаются за границу, а там есть также движение озлобленной воли и отрицающего ума. То и другое там назвало себя по имени: социализм и материализм» [2, с. 162–163].

Критика Гиляровым-Платоновым лицемерия патриархальной семьи, церкви и государства звучит очень остро и, может быть, привычнее смотрелась бы на страницах либерального журнала или издания радикального толка. Но Гиляров-Платонов был православным консерватором. И в его устах она звучит, в том числе, упреком таким мыслителям, как Данилевский, которые, плохо зная предмет, объясняют его абстрактными причинами. А если бы пороки семьи, церкви и государства не замалчивались консервативными публицистами, а становились предметом общественного обсуждения и постепенно искоренялись, возможно, было бы не так много «возмущённых» молодых людей. Возможно, не «бросились» бы они с такой жадностью читать французских социалистов и немецких материалистов. Возможно, не случилось бы революционного террора, который возникает, когда другие средства себя исчерпали.

Заподозрить в верноподданничестве Страхова или Достоевского, объяснявших возникновение нигилизма безбожием, конечно, нельзя. Кризис веры казался им главной болезнью времени. Нельзя заподозрить в верноподданничестве и Данилевского, винившего во всём «подражательность». О «теоретическом» нигилизме, имеющем очевидно западноевропейские корни, он размышлял, не выходя за рамки теории культурно-исторических типов. Эти версии, безусловно, имеют под собой серьёзные основания. Но «приземлённая» версия Гилярова-Платонова, объяснившего происхождение нигилизма внутренними проблемами, кажется сегодня куда более убедительной. Она не отменяет предыдущих, но переводит разговор о нигилизме из сферы «вековых русских болезней» в сферу конкретной социально-политической жизни середины XIX века.

Сделаем осторожное предположение, что Гиляров-Платонов лучше понимал семинаристов-нигилистов, потому что сам прошёл семинарию. Для него нигилисты не были далеким и пугающим предметом философских рефлексий, а были людьми из знакомой среды. Можно возразить, что Страхов, Достоевский и Данилевский тоже – далеко не аристократы, наблюдавшие русскую жизнь из окон высокого дворца. Страхов тоже был семинаристом, Достоевский четыре года провёл на каторге с уголовными преступниками, а Данилевский в юности был петрашевцем. Но все трое, как и многие другие консерваторы, не хотели видеть в нигилизме явление, порождённое прежде всего неустройством российского общества. А это значит, что и безбожие и «подражательность» нигилистов не имела для них никакого морального оправдания. А сами нигилисты, таким образом, превращались или во властолюбивых «монстров», которым «всё дозволено», или в злодеев, желающих посеять в России кровавую смуту; или в мошенников, наживающихся на «вислоухих» идеалистах, либо в обманутых студентов.

Список литературы

1. Аксаков? И. С. Возврат к народной жизни путем самосознания / И. С. Аксаков // И. С. Аксаков. Соч. – Изд. 2-е. – Санкт-Петербург : Тип. А. С. Суворина, 1891. – Т. 2: Славянофильство и западничество: 1860–1886: статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». – С. 3–8.
2. Гиляров-Платонов, Н. П. Откуда нигилизм? / Н. П. Гиляров-Платонов // Гиляров-Платонов Н. П. Сб. соч. : в 2 т. – Изд. К. П. Победоносцева. – Москва : Синодальная тип., 1899. – Т. 2. – С. 158–193.
3. Григорьев, А. А. Парадоксы органической критики (Письма к Ф. М. Достоевскому) / А. А. Григорьев // Григорьев А. А. Апология почвенничества. – Москва : Институт русской цивилизации, 2008. – С. 149–184.
4. Данилевский, Н. Я. Происхождение нашего нигилизма / Н. Я. Данилевский // Данилевский Н. Я. Горе победителям. – Москва : АЛИР ; ОБЛИЗДАТ, 1998. – С. 288–336.
5. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя. 1873 / Ф. М. Достоевский // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 13 т. – Ленинград : Наука, 1980. – Т. 21. – С. 5–137.
6. Пайпс, Р. Русский консерватизм во второй половине девятнадцатого века / Р. Пайпс // XIII Международный конгресс исторических наук (Москва, 16–23 августа 1970 г.). – Москва, 1970. – С. 4–5.
7. Пайпс, Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Р. Пайпс. – Москва : Новое издательство, 2008. – 252 с.
8. Страхов, Н. Н. Бедность нашей литературы / Н. Н. Страхов // Страхов Н. Н. Избр. тр. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 62–119.

9. Страхов, Н. Н. Письма о нигилизме / Н. Н. Страхов // Страхов Н. Н. Избр. тр. – Москва : РОССПЭН, 2010. – С. 364–397.
10. Страхов, Н. Н. Счастливые люди / Н. Н. Страхов // Н. Г. Чернышевский: pro et contra. – Санкт-Петербург : РХГА, 2008. – С. 555–576.
11. Ширинянц, А. А. Русское общество и политика в XIX веке: революционный нигилизм / А. А. Ширинянц // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2012. – № 1. – С. 38–49.

References

1. Aksakov, I. S. Vozvrat k narodnoy zhizni putem samosoznaniya [Return to folk life through self-consciousness]. *Sochineniya I. S. Aksakova* [Works of I. S. Aksakov]. St. Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina; 1891, ed. 2nd, vol. 2, pp. 3–8.
2. Gilyarov-Platonov, N. P. Otkuda nigilizm? [Where does nihilism come from?]. *Gilyarov-Platonov N. P. Sbornik sochineniy: V 2 t.* [Gilyarov-Platonov N. P. Collection of works: In 2 vol.]. Moscow: Sinodalnaya tipografiya, 1899, vol. 2, pp. 158–193.
3. Grigorev A. A. Paradoxy organicheskoy kritiki (Pisma k F. M. Dostoevskomu) [Paradoxes of Organic Criticism (Letters to F. M. Dostoevsky)]. *Grigorev A. A. Apologiya pochvennichestva* [Grigoryev A.A. Apology of soilism]. Moscow: Institute of Russian Civilization Publ. house; 2008, pp. 149–184.
4. Danilevskiy, N. Ya. Proiskhozhdenie nashego nigilizma [The origin of our nihilism]. *Danilevskiy N. Ya. Gore pobeditelyam* [Danilevsky N. Ya. Woe to the winners]. Moscow: ALIR Publ. house, OBLIZDAT Publ. house; 1998, pp. 288–336.
5. Dostoevskiy F. M. Dnevnik pisatelya. 1873 [Writer's diary. 1873]. *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t.* [Dostoevsky F.M. Complete works: In 30 vol.]. Leningrad: Nauka Publ. house, 1980, vol. 21, pp. 5–137.
6. Payps, R. Russkiy konservatizm vo vtoroy polovine devyatnadcatogo veka [Russian conservatism in the second half of the nineteenth century]. *XIII Mezhdunarodnyy kongress istoricheskikh nauk* [XIII International Congress of Historical Sciences]. Moscow, 1970, pp. 4–5.
7. Payps, R. *Russki, konservatizm i ego kritiki: Issledovanie politicheskoy kultury* [Russian Conservatism and Its Critics: A Study of Political Culture]. Moscow: Novoe izdatelstvo Publ. house; 2008, 252 p.
8. Strakhov, N. N. Bednost nashey literatury [The poverty of our literature]. *Strakhov N. N. Izbrannye trudy* [Strakhov N. N. Selected works]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ. house (ROSSPEN); 2010, pp. 62–119.
9. Strakhov, N. N. Pisma o nigilizme [Letters on Nihilism]. *Strakhov N. N. Izbrannye trudy* [Strakhov N. N. Selected works]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ. house (ROSSPEN); 2010, pp. 364–397.
10. Strakhov, N. N. Schastlivye lyudi [Happy people]. *N. G. Chernyshevskiy: pro et contra*. St. Petersburg: RKhGA Publ. house; 2008, pp. 555–576.
11. Shirinyants, A. A. Russkoe obshchestvo i politika v XIX veke: revolyutsionnyy nigilizm [Russian society and politics in the 19th century: revolutionary nihilism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12 "Politicheskie nauki"* [Bulletin of Moscow University. Series 12 "Political Sciences"]. 2012, no. 1, pp. 38–49.

Информация об авторах

**Прокудин Б. А. – кандидат политических наук, доцент;
Прокудина Е. К. – кандидат социологических наук, доцент.**

Information about the authors

**Prokudin B. A. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor;
Prokudina E. K. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor.**

Вклад авторов

**Прокудин Б. А. – концепция исследования; участие в написании основного текста; итоговые выводы.
Прокудина Е. К. – развитие методологии; участие в написании итоговых выводов; доработка текста.**

Contribution of the authors

**Prokudin B. A. – research concept; participation in the writing of the main text; final conclusions.
Prokudina E. K. – methodology development; participation in writing final conclusions; follow-on revision of the text.**

Статья поступила в редакцию 12.11.2021; одобрена после рецензирования 07.12.2021; принята к публикации 27.12.2021.

The article was submitted 12.11.2021; approved after reviewing 07.12.2021; accepted for publication 27.12.2021.